

ЖЕЛАНИЕ УБИВАТЬ

КАК МЫСЛЯТ
И ДЕЙСТВУЮТ
САМЫЕ
ЖЕСТОКИЕ
ЛЮДИ

18+

PROFILING

ЭНН УОЛБЕРТ БЕРДЖЕСС

доктор медицинских наук, ведущий судебно-психиатрический
эксперт, работала в ФБР более двадцати лет

СОВМЕСТНО СО СТИВЕНОМ МЭТЬЮ КОНСТАНТИНОМ

ПРОТОТИП ГЕРОИНИ ВЕНДИ КАРР ИЗ СЕРИАЛА

«ОХОТНИК ЗА РАЗУМОМ»

БОМБОРА

Profiling. Искусство вычислять преступников

Энн Уолберт Берджесс

**Желание убивать. Как мыслят и
действуют самые жестокие люди**

«ЭКСМО»

2021

УДК 615.85
ББК 53.57

Уолберт Берджесс Э.

Желание убивать. Как мыслят и действуют самые жестокие люди /
Э. Уолберт Берджесс — «Эксмо», 2021 — (Profiling. Искусство
вычислять преступников)

ISBN 978-5-04-188738-4

Энн Уолберт Берджесс, доктор медицинских наук, судебно-психиатрический эксперт и сотрудник ФБР, в течение двух десятилетий искала, опрашивала и выслеживала десятки известных своей жестокостью преступников. Книга погружает нас в расследования, которые вела автор. Ее яркие воспоминания помогают проникнуть в сознание опасных преступников и их жертв. Изучение поведения и психологии серийных убийц, насильников, похитителей и их жертв стало поворотной точкой в работе правоохранительных органов. Душераздирающие истории, стоящие за фактами, цифрами и процедурами, послужили основой не только для раскрытия конкретных преступлений, но и для системного криминального профилирования. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 615.85

ББК 53.57

ISBN 978-5-04-188738-4

© Уолберт Берджесс Э., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

От автора	6
Вступление	7
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Энн Уолберт Берджесс

Желание убивать. Как мыслят и действуют самые жестокие люди

Ann Wolbert Burgess with Steven Matthew Constantine

A KILLER BY DESIGN: MURDERERS, MINDHUNTERS, AND MY QUEST TO
DECIPHER THE CRIMINAL MIND

Copyright © 2021 by Ann Burgess

© Богданов С.М., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

«Работа Энн Уолберт Берджесс по изучению поведения преступников оказала глубокое влияние на ФБР. Из всех коллег, с которыми я работал, Энн – одна из самых умных и жестких. Она помогла нам разобраться в сознании серийных убийц и научила расшифровывать их поведение».

ДЖОН ДУГЛАС, бывший криминальный профайлер ФБР, автор бестселлеров «Убийца сидит напротив», «Сексуальные маньяки», «Проникнуть в мысли ВТК»

Удивительная книга, в которой по полочкам разложена вся природа убийц и насильников. Показан полный психологический портрет, который сделан экспертом криминального профайлинга. Когда читаешь, понимаешь, чем живут эти люди, какие они, каким было их детство и что привело их к преступлению. Ощущение, что это ты, как читатель, беседуешь с убийцей вместо автора. Книга реалистичная, захватывающая и шокирующая. Рекомендую всем любителям криминального жанра!»

ЕКАТЕРИНА КАЛАШНИКОВА, криминальный журналист, блогер @katerina_tarantino_, автор книги «Записки криминального журналиста»

*Памяти Роберта Кеннета Ресслера, Роберта Роя Хэйзелвуда и
Линды Литл Холмстром*

От автора

В начале я хотела бы предупредить читателей о возможных негативных реакциях, которые могут возникнуть из-за историй, описанных в этой книге. Речь идет о насильственных действиях, убийствах, похищениях, сексуальном надругательстве, домашнем насилии (в том числе над детьми и животными), сексизме/женоненавистничестве, расизме... Если вам кажется, что описание подобных вещей может нанести ущерб вашему психическому здоровью, я бы посоветовала вам отказаться от прочтения.

Эта книга – рассказ о моей совместной работе с сотрудниками правоохранительных органов, в ходе которой мне приходилось общаться с жертвами страшных преступлений и жестокими преступниками. Диалоги в книге абсолютно документальны – это практически дословные расшифровки диктофонных записей, стенограмм и протоколов. В случаях, когда такие источники отсутствовали, я воспроизводила диалоги, исходя из своих воспоминаний.

Что касается отдельных, тяжелых для читательского восприятия фрагментов, то я не украшала действительность и в то же время не стремилась к сенсационности. Передо мной стояла цель достоверно передавать ход событий, с тем чтобы обеспечить максимально полное понимание истинного характера этих преступлений и причиненных ими страданий. Всей душой надеюсь, что эта книга будет способствовать сохранению памяти о жертвах страшных преступлений, о которых я расскажу на этих страницах.

Вступление

Все начинается с проверок

Я внимательно рассматривала одну за другой три стопки фотографий, разложенные на столе. Каждая состояла из стандартного криминалистического набора общих, средних и крупных планов. В первую группу – под названием «Дэнни 21.09» – входили фото, сделанные в мирной сельской глубинке штата Небраска. Однако едва ли не идиллический пейзаж служил лишь фоном. На самом деле объектом внимания было безжизненное тело на обочине проселочной дороги, частично скрытое высокой травой. Это был труп ребенка или, скорее, подростка, неестественным образом изогнутый назад. Запястья рук были привязаны к щиколоткам, из одежды были лишь темно-синие трусы. Крупные планы показывали изувеченное тело мальчика: полностью развороченная ударами ножа грудь, глубокая резаная рана в области затылка, спутанные волосы, покрытые засохшей кровью и грязью. Вокруг тела роились мухи.

Закончив с первой стопкой и приступив к следующей, обозначенной «Кристофер 05.12», я испытала своего рода дежавю – настолько схожей с предыдущими была картина на этих фото, сделанных только вчера. Второй погибший, по возрасту и внешнему виду схожий с первым, был обнаружен в том же районе сельской глубинки. Сходство деталей было просто поразительным. Правда, во втором случае осень сменилась зимой, и бледная кожа мальчика была припорошена снегом, скрывающим раны и черты лица. На крупных планах были видны лужи замерзшей крови возле головы и живота погибшего. Еще ужаснее выглядели два фото, сделанные при вскрытии тела. Первое показывало глубокую резаную рану: нож вонзили в заднюю часть шеи, после чего с силой провели им к правой части подбородка. На втором были семь рваных ран на животе и груди погибшего. Нанесли ли их беспорядочно или с каким-то особым умыслом, понять было невозможно.

Это происходило в начале 1980-х годов. В то декабрьское утро я, в компании пятерых коллег, находилась в большой переговорной, скрытой в недрах Академии ФБР в Куонтико, штат Виргиния. В этом подвальном помещении, именуемом «бомбоубежище», не было ни фотографий на стенах, ни телефонов и вообще ничего, что могло бы отвлечь внимание. Единственное небольшое окошко из армированного стекла выходило в безлюдный коридор с пустующими служебными помещениями. О существовании этой части территории Академии знал очень ограниченный круг лиц. В ней располагался Отдел поведенческого анализа ФБР (ОПА), и такая обособленность служила нам ежедневным напоминанием о специфике нашей работы. Мы охотились на серийных убийц. А именно: изучали их, пытались понять их образ мысли и находили способы обезвреживать их максимально быстро. Для этого мы применяли новаторский метод «криминального профайлинга», который в то время воспринимался большинством наших коллег по Бюро с разной степенью скепсиса или пренебрежительности. Но критика критикой, а значение имеют только результаты. И мы были полны решимости доказать, что на самом деле наши подходы могут быть очень и очень эффективными.

В то зимнее утро мы собрались именно для криминального профайлинга. Накануне вечером спецгент Роберт Ресслер, срочно выехавший в Небраску, отправил факсом каждому члену небольшого коллектива отдела обзорную справку о деле. Когда ранним утром мы появились в переговорной, на столе уже лежали все необходимые материалы. Это были досье по делу, патологоанатомические заключения, показания свидетелей, рисунки художника-криминалиста, списки подозреваемых и те самые фото, с которыми я только что ознакомилась. Массив информации выглядел впечатляюще и в то же время приводил в ужас.

По крайней мере меня. Хотя я работала в ОПА уже несколько месяцев, и даже несмотря на мою ведущую роль в разработке методологии профайлинга, агенты держались от меня на

расстоянии. Они не очень понимали, зачем я здесь. Да, меня пригласили в отдел в качестве эксперта по виктимологии¹ и насильственным преступлениям на сексуальной почве, и я знала, что за это меня здесь уважают, но тем не менее считают посторонней, ресурсом на самый крайний случай. Пусть я и специалист, но точно не агент. Но это наше утреннее совещание могло изменить ситуацию. Впервые меня привлекли к работе над свежим делом. Это была проверка – смогу ли я работать совместно с агентами, стать членом их сплоченного узкого круга. Впрочем, были и другие аспекты. Я была единственной женщиной в ОПА и одной из очень немногих в преимущественно мужском мире Академии ФБР. И я чувствовала, что являюсь объектом самого пристального внимания. Поэтому мне отчаянно хотелось проявить себя.

С момента, когда тыходишь в двери Бюро, тебя начинают проверять на прочность. Даже несмотря на то, что ты уже принят на работу благодаря профессиональным знаниям, талантам и сильным сторонам. Но, как бы то ни было, судить тебя будут не по ним, а по твоим ошибкам. Так уж здесь заведено. Оценивать людей по вероятности их неудач – жесткий и в какой-то мере умалыющий их достоинство подход, но он эффективен. И те, кто выдерживает и проходит через череду испытаний под невероятным давлением, становятся посвященными. Именно так было с пятью агентами, в компании которых я была тем утром. И именно этого я хотела для самой себя.

Итак, отрешившись от монотонного гула предположений и атмосферы беспокойного ожидания, я собиралась с мыслями и заново сосредоточилась на сериях фотографий. Я понимала, что в каждой есть незаметные на первый взгляд детали и скрытые подсказки, от которых зависит успешное раскрытие этого дела.

– Ну что, Энн, как у тебя дела? – Вопрос застал меня врасплох. Я положила все фото, кроме одного, на стол и обернулась, чтобы посмотреть, кто его задал. Это был агент Джон Дуглас.

– Хорошо, – сказала я. – Кто бы это ни сделал, он становится увереннее. Взгляни на эти раны. – Я вручила Дугласу фото груди второго погибшего. – Это уже не хаотичные удары. Он наносил их более обдуманно.

Дуглас кивнул. Я понимала, что его не интересовала ни фотография, ни то, что я о ней думала. Он хотел проверить, как я справляюсь со страшными подробностями этого дела. На моей памяти это было не впервые. Как и Бюро в целом, Дуглас и остальные агенты постоянно проверяли своих коллег на слабину, причем совершенно не скрывая этого. Кстати, одним из любимых тестов Дугласа был человеческий череп, выставленный на всеобщее обозрение на его рабочем столе. Если зашедший в его кабинет человек старательно отводил от черепа глаза, то тест считался проваленным. Единственным способом пройти его было обратить на это украшение стола мимолетное внимание и как ни в чем не бывало перейти к своему делу.

Я прошла этот тест на череп, равно как и целый ряд других. На самом деле к моменту этой встречи с Дугласом в бомбоубежище я уже показала себя достаточно неплохо, чтобы заслужить грамоту за подписью и.о. директора ФБР Джеймса Маккензи и быть официально зачисленной в штат ОПА. Но даже такой беспрецедентный шаг Бюро не вполне убедил моих коллег. Им требовалось доказательство того, что я – женщина и человек со стороны – способна выдержать зрелище самого жестокого насилия.

Успешное прохождение этого последнего экзамена означало, что я смогу принять участие в проекте Дугласа и Ресслера, которым они без особой огласки занимались с начала этого года. Их захватила одна идея, противоречившая сложившейся практике следственной работы. На протяжении десятилетий правоохранители списывали некоторые преступления на

---

¹ Виктимология – это научная дисциплина, изучающая, как люди или группы людей становятся жертвами преступлений. Она исследует поведение жертвы и ее отношения с преступником до преступления, в момент его совершения и после него. Кроме того, виктимология изучает кризисные состояния, в которых пребывают жертвы, определяет необходимые меры помощи и находит способы предотвращения повторных преступлений.

акты чистого безумия, которые не подлежат никаким рациональным объяснениям. Но Дуглас и Ресслер считали иначе. Они хотели расспросить осужденных убийц относительно мотивов их поступков и, таким образом, получить возможность радикально изменять ход следственных действий и использовать против преступников их же психологические особенности. В Бюро идею о неофициальных беседах с осужденными серийными убийцами поддержали. Но ни Дуглас, ни Ресслер не обладали обширными познаниями в психологии. Для осмысления полученных данных им требовалась помощь с формализацией подходов и систематизацией методов сбора информации. И тут появилась я.

Будучи профессиональным психиатром, доктором наук, я разбиралась как в психологических особенностях опасных индивидов, так и в том, что нужно сделать для превращения такого рода путаных и неупорядоченных материалов в стандартизированное исследование. К тому же я несколько лет работала с жертвами сексуального насилия. Но самое главное, я хорошо сознавала, что стоит на кону, и понимала, какое серьезное значение эта работа может иметь для общества в целом. Она могла спасти бесчисленное множество людей от причинения им столь же ужасающих травм, как моим бывшим пациентам. Она могла открыть новые горизонты понимания психологии преступников и совершить невиданную доселе революцию в деле борьбы с преступностью.

Глава 1

Вам звонят из ФБР

Свои первые шаги на пути познания жестокой стороны человеческой природы я делала в качестве аспирантки, изучающей патронаж психически больных. Меня увлекало человеческое сознание, его устройство и то, каким образом неуравновешенности в нем приводят к самым острым формам поведенческих расстройств. Но в 1970-х годах, когда неотъемлемой частью нашей культуры являлся откровенный сексизм, мужчины-руководители обычно пренебрежительно отзывались о моем интересе к мотивам таких аномалий в поведении. Они называли его «преходящим», «любопытным» или, что еще хуже, «очаровательным». В те времена женщины, выбиравшие карьеру в патронаже, должны были соответствовать стереотипному представлению о «прислуге» – кукольный вид, белоснежное платье и идеально накрахмаленный чепец. Критерием их ценности было умение безупречно исполнять указания врача, а вовсе не способность приносить пользу самостоятельно. Однако меня это не устраивало.

Из этого, наверное, понятно, что я была не из тех, кто облегчает себе жизнь. Вдобавок к возникшим передо мной культурным препятствиям мне пришлось свыкнуться с фактом того, что в те времена психиатрический патронаж был по большому счету никому не известной концепцией. Этот предмет стал обязательной частью профессиональной подготовки медсестер лишь в 1955 году, когда после окончания Второй мировой войны появилась необходимость оказания помощи ветеранам армии с психическими отклонениями. Добавьте к этому то, что диплому медсестры присвоили максимально возможный уровень всего за пару лет до моего выпуска из университета, и получится, что я принадлежала к очень небольшому числу специалистов в крайне малоизученной области.

Первый опыт оказания помощи пациентам с психическими нарушениями я получила на преддипломной практике в государственной больнице Спринг-Гроув в штате Мэриленд. Психиатрические отделения были переполнены, финансирование было недостаточным, так что я получила полную свободу работать «с любыми пациентами, которым могла хоть чем-то помочь». Поначалу меня заинтересовали психически нездоровые женщины. Довольно быстро я узнала, что подавляющее большинство этих пациенток не были психически больными от рождения и не заболели в раннем возрасте. Дело в том, что многие находящиеся здесь женщины подверглись сексуальному насилию. Над ними надругались, их стигматизировали², а потом вынудили справляться с травмирующим опытом самостоятельно. А нередко было и так, что их еще и обвинили в подстрекательстве к нападению на самих себя. Когда выносить все это становилось невозможным, несчастные оказывались в психиатрическом отделении.

Особенно мне запомнилась одна пациентка. Она целыми днями ходила взад и вперед по длинным больничным коридорам, потирая руки и бормоча себе под нос что-то нечленораздельное. Ее звали Мария, и ей было немного за двадцать. Узнав, что ее изнасиловали, муж сразу же развелся с ней самым беспощадным образом. Желая помочь девушке, я ходила рядом с ней в надежде, что в один прекрасный день она откроется мне. Так продолжалось несколько недель, пока однажды, догнав ее в коридоре, – она все время ускоряла шаг, – я не придвинулась поближе, чтобы услышать, что же она бормочет. Мария посмотрела мне прямо в глаза и с ненавистью прошипела: «Прекрати ходить за мной следом, чертова рыжая сука».

Я остановилась как вкопанная. После слов Марии до меня кое-что дошло. Вплоть до этой минуты мне как-то не приходило в голову, что два человека могут интерпретировать одно и

---

² Стигматизация – клеймение, нанесение стигмы. В отличие от слова «клеймение», в данном случае слово «стигматизация» обозначает навешивание социальных ярлыков.

то же совершенно по-разному, в зависимости от противоположных реалий сознания. В моем понимании я подбадривала Марию, предлагая ей свое общество. А для Марии мои неустанные попытки сближения выглядели едва ли не прямой агрессией.

Я поняла, что такая динамика, только в куда более высокой степени напряженности, является одним из ключевых элементов насильственных взаимодействий. Сосредоточившись на переживаниях жертв, я не учла того, что в нападении всегда присутствует еще одно лицо, которое я не считала заслуживающим внимания в силу его бесчеловечности или извращенности. Теперь мне было совершенно ясно, что если я хочу полностью понимать природу преступления, то должна видеть в жертве и преступнике две стороны одной и той же медали. Я должна знать, почему преступники вели себя именно так и что происходило в их сознании, когда они вершили свои чудовищные акты насилия.

Этот случай с Марией стал поворотным пунктом в моей карьере. Я переключилась с работы с психически нездоровыми пациентками на пациентов-мужчин из отделения судебной психиатрии. Там они дожидались судебного рассмотрения своих дел. Многие из обитателей мужского отделения совершили тяжкие преступления вроде сексуальных надругательств или изнасилований, и по этой причине даже врачи не обращали на них особого внимания, и уж точно никто и никогда не разговаривал с ними об их преступлениях. Но как раз поэтому они и вызывали у меня еще больший интерес. Я хотела узнать, что они думают о своих преступлениях и о своих жертвах, и понять, какие выводы можно сделать из того, что услышу от них. Внесу ясность: исправление этих мужчин не входило в круг моих интересов. Для меня они были не более чем источником информации, которая впоследствии может оказаться полезной для оказания помощи жертвам подобных преступников. Терять мне было нечего, и я начала серию встреч с этими людьми. В своих опросах я делала акцент на детстве и истории взросления, что позволяло плавно перевести их к подробным рассказам о совершенных преступлениях.

Мой интерес и мои подходы оказались явным сюрпризом для мужчин, с которыми я беседовала. Ведь с момента поступления в отделение к ним относились как к отщепенцам. В то же время, по мере того как они делались откровеннее и постепенно оживляли в памяти подробности своих преступлений, становились заметными общие для всех них поведенческие особенности. Так, у всех была одна и та же привычка внимательно следить за тем, как я реагирую на откровенные рассказы о совершенных ими актах насилия. Им было интересно, содрогнусь я или нет. Это выглядело какой-то странной одержимостью контролем. И несмотря на то, что все они считались психически нездоровыми, я понимала, что дело не в этом, а в чем-то еще. И это что-то заслуживало более подробного изучения.

Мне казалось, что я нахожусь в шаге от постижения важнейшей идеи, которая поможет разобраться в динамике взаимоотношений жертв и преступников.

Между тем мои коллеги не проявили ни малейшего интереса к моей деятельности. Они считали сексуальное насилие проблемой маргинальной части общества или «женскими делами», которые неприлично обсуждать, – как будто мужчины были тут вообще ни при чем.

Однако такая точка зрения полностью расходилась с фактами.

Изнасилование было одним из четырех видов тяжких насильственных преступлений, преобладавших в США: за один только 1970 год было зарегистрировано 37990 случаев. Эту масштабную проблему усугублял дефицит доступных методов психологической помощи пострадавшим.

«Вы не понимаете, – говорила я каждый раз, когда коллеги отмахивались от меня. – Ведь это возможность объяснить уникальный тип человеческого поведения, который до сих пор не изучался. Это – научная terra incognita и возможность сделать нечто, что будет в равной степени важно и практически полезно». Ответы всегда звучали примерно одинаково: «Оставь ты эту тему. Не стоит ради этого рисковать своей научной карьерой».

Мне просто не верилось! Эти профессионалы, многие из которых были моими друзьями, коллегами, наставниками и признанными авторитетами в области психиатрии, как будто сговорились увековечить именно то социальное предубеждение, которое я хотела разоблачить. Либо они не понимали, либо не хотели понимать.

* * *

В моей же жизни понимание этого сыграло определяющую роль. Когда стало ясно, что мои коллеги по работе в больнице никогда не осознают, насколько важно подробно рассмотреть этот тип поведения, я ушла, чтобы заново начать карьеру в науке. Я понимала, что пациенты нуждаются в индивидуальной помощи, но мне хотелось произвести изменения на системном уровне. Я хотела разрушить преграды, мешающие жертвам насилия получать необходимую им профессиональную помощь и поддержку. Уход в науку был следующим шагом на пути к этому. Я продолжила исследования с целью более полного понимания психологии людей, совершающих насильственные преступления на сексуальной почве. А еще это давало возможность изменить глубоко укоренившиеся в нашей культуре представления о виновности жертвы, которые способствовали росту количества таких преступлений. Если благодаря моим пациентам в больнице Спринг-Гроув я поняла, насколько важно видеть в жертве и преступнике две половины единого целого, то мои тамошные пациенты-мужчины показали мне, какими далеко идущими последствиями на самом деле чреват элемент контроля. Причиной того, что столь немногие женщины решались сообщать о своей психологической травме или обсуждать ее, был контроль или, скорее, недостаток уверенности в себе. Контроль был причиной, по которой на протяжении десятилетий не встречали критики совершенно неприемлемые психоаналитические воззрения на сексуальное насилие. В них превалировала идея о том, что преступление провоцируют одежда женщины, ее поведение или ее фантазии. Контроль порождал социальное предубеждение, а социальное предубеждение не позволяло обнажать всю эту проблему. В конечном счете никто и никогда не интересовался мнением самих жертв.

Таковыми соображениями руководствовались мы с социологом Линдой Литл Холмстром, начиная междисциплинарный исследовательский проект по теме реакции жертвы на изнасилование. С Линдой я познакомилась вскоре после получения должности преподавателя психиатрического патронажа в Бостонском колледже. Целью нашего исследования было получение более глубокого понимания эмоционально травмирующих последствий сексуального насилия, которые обычно длятся значительно дольше физических. Мы надеялись, что это исследование не только поможет клиницистам распознавать и оценивать признаки связанных с изнасилованием психологических травм, но также будет способствовать более широкому распространению сервисов помощи для пострадавших. Работали мы в следующем порядке: каждый раз, когда в приемное отделение городской больницы Бостона поступала жертва изнасилования, триажная³ медсестра звонила нам с Линдой, и мы сразу же приезжали побеседовать с пострадавшей. Этот подход существенно отличался от типичных методов того времени. Вместо привлечения большой группы исследователей для обследования жертв мы с Линдой встречались с пациентками с их согласия, обычно уединившись за закрытыми дверями их больничных палат. Жертвы делились своими историями, а мы, в свою очередь, предоставляли им экстренную психологическую помощь. Именно тогда впервые прозвучало понятие «травматический синдром изнасилования». Это психологические страдания, которые испытывает жертва непосредственно после акта насилия. И, что еще более важно, этот подход сработал. В итоге мы проинтервьюировали 146 человек в возрасте от трех до семидесяти трех лет и собрали

---

³ Тriaжная (медицинская) сортировка – распределение пострадавших и больных на группы, исходя из срочности и однородности необходимых мероприятий в конкретной обстановке.

2900 страниц заметок для классификации, анализа и интерпретации. Благодаря нам эти жертвы обрели голос.

В 1973 году в журнале *American Journal of Nursing* мы опубликовали наши результаты в статье под названием «Жертва изнасилования в отделении неотложной помощи». А через год продолжили начатое, опубликовав в журнале *American Journal of Psychiatry* статью «Травматический синдром изнасилования». После этой публикации наша аудитория расширилась за счет специалистов в области психиатрии. Один из важнейших выводов нашего исследования состоял в том, что изнасилование больше связано с властью и контролем, чем с половым актом как таковым. Это новаторское понимание опыта жертвы произвело мощный резонансный эффект. Оно способствовало систематизации удостоверения травм потерпевших на новом уровне осмысления и появлению запроса на перемены в соответствующих направлениях работы правоохранительных органов, учреждений здравоохранения и судебной системы. При этом резонанс нашего исследования оказался значительно более широким, чем я могла предвидеть. Его волны не только перевернули системные представления о сексуальном насилии, но еще и коренным образом изменили ход моей карьеры. Именно после этого исследования и публикации его результатов на меня обратило внимание ФБР.

* * *

Дело в том, что во второй половине 1970-х годов в ФБР уже начали реагировать на резкий рост количества преступлений на сексуальной почве. Одной из задач Бюро было выявление новых тенденций насильственной преступности и противодействие им. Поначалу это выглядело так: сотрудникам учебного отдела Академии ФБР была поставлена задача обучить персонал полицейских управлений страны более глубокому пониманию и способам работы с преступлениями этого типа. Считалось, что эта тенденция, как и любые другие, носит временный характер. Но проблема была в том, что в Академии не знали о сексуальном насилии ровным счетом ничего. Никто из сотрудников не имел специальных знаний или практического опыта, которые позволяли бы обсуждать темы сексуальной агрессии, изнасилования, убийств на сексуальной почве или виктимологии.

Но, невзирая на этот дефицит знаний, учебный отдел получил дополнительную директиву, из которой однозначно следовало, что отныне сексуальное насилие становится обязательной частью любых программ обучения. В 1978 году недавно приступивший к работе в ОПА агент Рой Хэйзелвуд ознакомился с директивой и кратко обрисовал этот новый для себя учебный вопрос в ходе тренинга по проведению переговоров об освобождении заложников для сотрудников полицейского управления Лос-Анджелеса. Но затем, сознавшись в своей недостаточной осведомленности о виктимологии сексуального насилия, он сразу же перешел к другим учебным темам. Поступать подобным образом ему случалось и раньше, и никаких вопросов это не вызывало. Однако на сей раз получилось иначе. По окончании тренинга к Хэйзелвуду подошла сотрудница управления, по выходным подрабатывавшая медсестрой в приемном покое местной больницы. Она сказала, что прочитала статью, в которой рассказывалось о физической и психологической природе сексуального насилия, и думает, что приведенные в статье данные могут быть полезны в расследованиях подобных дел. Хэйзелвуд заинтересовался. Он увидел в этом возможность поглубже разобраться в проблеме, которую, судя по всему, никто в ФБР не понимал. Он попросил эту сотрудницу сообщить подробности и неделю спустя получил от нее копию статьи, соавтором которой была я.

Примерно тогда же, осенью 1978 года, я была полностью сосредоточена на своей новой научной работе и преподавании. Дело было в середине сентября, семестр только что начался, и я с головой погрузилась в разработку темы психосоциальных рисков возвращения к работе

людей, перенесших острые сердечно-сосудистые заболевания. В дверь моего кабинета постучали, и на пороге появилась моя ассистентка с сообщением, что мне звонят.

– Тебе не трудно будет принять сообщение? Я очень занята, – сказала я, не поднимая головы.

Она некоторое время постояла в нерешительности, после чего тихо сказала:

– Наверное вам все-таки стоит поговорить с ними. Это из ФБР.

Тут, разумеется, мне пришлось отвлечься.

Голос на другом конце провода четко и отрывисто проговорил:

– Добрый день. Это старший специальный агент Рой Хэйзелвуд. Я говорю с профессором Энн Берджесс?

– Да, – ответила я.

– С той самой Энн Берджесс, которая написала статью «Жертва изнасилования в отделении неотложной помощи»?

– Именно.

– Отлично. Надеюсь, я не очень помешал. Хотел поподробнее поговорить с вами о вашей работе, – сказал он.

Постепенно манера разговора Хэйзелвуда начала меняться. Сухой официоз уступил место учтивости и щепетильности. Я бы даже назвала его тон дружелюбным. Он тщательно подбирал слова в своих длинных неспешных фразах, как будто не решаясь прямо сказать, что конкретно понадобилось от меня организации, которую он представлял. Наконец он решился:

– Видите ли, даже ФБР иногда, хотя и в редких случаях, бывает нужно обратиться к внешней экспертизе, чтобы расширить свой кругозор. Вот и сейчас мы решили обратиться к вам для того, чтобы получить консультацию по теме, которой была посвящена ваша статья. Мы в Бюро ограничиваемся статистикой, которая помогает оценить масштаб проблемы. А вот вам удалось докопаться до человеческой составляющей происходящего, и мне было бы интересно узнать, как у вас это получилось. Не согласитесь ли вы приехать в Куонтико с лекциями о ваших исследованиях? Думаю, нашим агентам было бы очень полезно получить от вас ценные знания о виктимологии и насильственных преступлениях на сексуальной почве.

Я была в нерешительности. До сих пор я выступала с рассказами о своих исследованиях в основном перед женщинами – медсестрами и сотрудницами центров помощи жертвам изнасилования.

Они были восприимчивы к этой теме и соотносили себя и с моей работой, и со мной. Они понимали, почему студенткой я пулей пронеслась через Бостонский городской парк, чтобы успеть в общежитие до наступления темноты.

И что еще более важно, понимали, как мне было страшно, когда однажды вечером я еле-еле сумела освободиться от приставаний неожиданно выбежавшей мне наперерез группы подростков.

Я не была уверена в том, что мужская аудитория будет реагировать аналогичным образом.

Какое-то время я колебалась, но в конечном итоге любопытство взяло верх.

– Хорошо, агент Хэйзелвуд. Пришлите мне детали факсом. Мне интересно, как агентов ФБР учат анализировать преступления на сексуальной почве.

* * *

Со своей первой лекцией в Академии ФБР я выступала перед аудиторией примерно из сорока агентов-мужчин.

По большей части они выглядели точно такими же, какими их изображают в кино: брутальные подтянутые парни с короткими стрижками в практически одинаковых накрахмаленных голубых рубашках.

Вели они себя тоже соответствующим образом: как по команде расселись по своим местам и вооружились блокнотами и ручками.

Преисполненная оптимизма, я начала свою лекцию с вопроса:

– Что вам известно о виктимологии в случаях изнасилования?.

Некоторые потупились, другие делано заулыбались, но никто так и не ответил на вопрос.

Моя иллюзия о высокоинтеллектуальных фэбээровцах рассыпалась в прах.

– Дело в том, что традиционно ее считали обусловленной сексом, – сказала я. – Но на самом деле это не так. Изнасилование – акт власти и контроля. Жертвы понимают это, и именно по этой причине многие из них не готовы рассказывать о пережитом. Они чувствуют себя беспомощными, обессиленными и опозоренными. Над ними надругались в самом прямом смысле этого слова. А в тех редких случаях, когда жертвы все же решаются что-то сказать и попросить о помощи, это бывает обусловлено робкой надеждой на то, что им помогут вернуть то, что было утрачено, разрушено и осквернено. Вот что вы должны знать об изнасиловании. Потому что в случае, если жертва захочет дать показания, самым главным на свете для нее будет то, как вы на это отреагируете.

Оторвав взгляд от своего конспекта, я увидела, что все они выпрямились на своих стульях. Похоже, мне удалось завладеть их вниманием.

– Хорошо, давайте рассмотрим несколько примеров, – предложила я. Включив проектор, я вывела на экран серию фотографий – окровавленное нижнее белье, перевернутые вверх дном спальни, крупные планы женских лиц в ссадинах и кровоподтеках. Кое-кто из агентов делал записи, но большинство просто вглядывались в свидетельства жестоких преступлений. Теперь никто уже не улыбался.

Первая лекция прошла довольно успешно, и вскоре меня пригласили вести регулярные занятия. Если не считать нескольких секретарей и делопроизводителей, я была единственной женщиной в стенах здания Бюро. А с учетом моей области знаний можно было только представить, какие слухи ходили обо мне как о новом эксперте ФБР по сексуальному насилию. Но Хэйзелвуд старался, чтобы у меня не возникало никаких проблем. Он находил время, чтобы объяснить мне тот или иной нюанс культуры Бюро и поинтересоваться моим мнением о делах, по которым работали он и его коллеги. Обычно мое общение с сотрудниками происходило в форме короткой беседы на абстрактные профессиональные темы. Но были и примечательные исключения.

Однажды агент Хэйзелвуд познакомил меня с двумя своими коллегами – Робертом Ресслером и Джоном Дугласом.

– Им хочется побольше узнать о ваших исследованиях, – сказал он перед тем, как мы вошли в лифт, который повез нас в подземные помещения Академии. – Они заинтересовались вашей работой, потому что... – он замялся, но вскоре продолжил: – Вообще-то я, наверное, не должен был этого говорить, но у них есть один проект, который, возможно, будет вам интересен.

Хэйзелвуд был прав. Я сразу же нашла общий язык с Ресслером и Дугласом. Отчасти потому, что меня не смущали разговоры о насилии, и потому, что оказалась в числе немногих, кто выказал неподдельный интерес к их работе.

– Мы называем это исследованием криминальной личности, – сказал Дуглас. – Однажды мы были в командировке, и Боба посетила идея поехать по тюрьмам и пообщаться с сидящими там серийными убийцами. У нас было много случаев преступлений без видимых мотивов, и мы подумали, что никто не сможет пролить свет на эти преступления, кроме самих

преступников. Мы смогли поговорить со всеми – от Эдмунда Кемпера⁴ и Серхан Серхана⁵ до Ричарда Спека⁶.

– Но куда сложнее разобраться в том, о чем эти записи говорят на самом деле. Пока это просто коллекция интервью, – продолжил Ресслер. – Вот поэтому-то нас и зацепили рассказы Хэйзелвуда о вашей работе. Может быть, ваши методы как-то пересекаются с тем, в чем мы пытаемся разобраться? Как думаете?

Заинтересовавшись, я согласилась прослушать записи разговоров с заключенными прямо сейчас.

Это было сродни тому, чтобы подслушивать самые откровенные речи человеческого отребья. Раз за разом я нажимала кнопку паузы, чтобы перевести дух, и снова включала запись. Они были так высокомерны, эти убийцы! Но их рассказы так завораживали, от них было трудно оторваться. В то же время эти интервью были плохо структурированы и не опирались ни на одну из общепринятых научных методик. В них полностью отсутствовали плановый подход и расчет на последующий анализ. Похоже, ставилась одна-единственная цель: разговаривать с убийцей. Тем не менее я была впечатлена. Ресслер и Дуглас провели поведенческое исследование совершенно нового типа. Так я им и сказала на нашей следующей встрече:

– Это может вывести на совершенно новое понимание поведения преступников. Насколько мне известно, никто никогда не пытался разобраться в причинах, по которым серийные убийцы убивают. А ведь выводы могут быть весьма существенными.

– Я так и знал, – улыбнулся Дуглас, посмотрев на Ресслера.

Но тот не спешил радоваться. Он пристально смотрел на меня.

– Что именно в этом есть? По мне, так это просто болтовня кучки психов, фантазирующих на тему собственных преступлений, и не более того. Я что-то не понимаю?

– Пока в этих записях очень многого не хватает – сведений о семье, воспитании, истории преступлений, – ответила я. – Но все это можно исправить, если формализовать ваш подход и определиться с подходящей методологией. Чтобы создать основу для сравнения этих интервью между собой, вам нужен некий базовый вопросник. Вы должны отнестись к этой работе как к настоящему научному исследованию – с реальными целями по сбору данных и их анализу. Это единственный способ разобраться в том, что движет убийцами. И еще вам нужно опубликовать свои результаты, чтобы и другие могли проделать такую же работу.

В завершение нашего разговора Дуглас спросил, буду ли я им помогать.

* * *

Благодаря специфике их работы у Ресслера и Дугласа уже был доступ к уголовным делам серийных убийц, совершавших еще и акты сексуального насилия. Задача состояла в том, чтобы определиться с корректным комплексным подходом, который выдержит жесткую проверку специалистов ФБР. На самом деле Ресслера уже вызывали к директору Бюро Уильяму Уэбстеру, который попросил объяснить суть исследования криминальной личности. Внимательно выслушав подчиненного, Уэбстер заявил, что он не потерпит никаких исследований «на коленке». Ресслер уверил его, что их группа настроена очень серьезно.

---

⁴ Эдмунд Кемпер – американский серийный убийца. В подростковом возрасте убил своих дедушку и бабушку. В период с 1972 по 1973 год совершил 8 убийств в штате Калифорния. Его жертвами стали 6 студентов, собственная мать и ее подруга. С 1973 года отбывает пожизненный срок. (Прим. пер.)

⁵ Серхан Серхан – палестинец, известен тем, что 5 июня 1968 года застрелил Роберта Кеннеди, кандидата на пост президента США. В 1969 году был приговорен к смертной казни, впоследствии приговор был смягчен до пожизненного заключения.

⁶ Ричард Спек – убил восемь медсестер в чикагском общежитии и приговорен за это к смертной казни, замененной на пожизненное лишение свободы. В 1991 году умер в тюрьме после 25 лет заключения.

Я же тем временем прекрасно понимала, что нас ждет. Скептическое отношение моих коллег-ученых, с которым я столкнулась в своих исследованиях по теме изнасилования, подготовило меня к любым формам бюрократического надзора и контроля. Я понимала, что наш проект воспримут как вызов сложившемуся порядку вещей. Над нами будут посмеиваться, нам будут чинить препятствия и надеяться, что мы потерпим неудачу. На взгляд подавляющего большинства людей, убийцы – просто ненормальные. Вот и все. Не надо искать какие-то подтексты, не надо пытаться извлекать уроки, и все усилия, потраченные в этом направлении, будут считаться потраченными даром. Но все это не имело для меня никакого значения. Я знала, что в психологии не бывает простых истин. И, что еще более важно, я знала, что качественное исследование всегда проливает свет на реальное положение вещей.

Моей главной заботой на тот момент было сделать нашу работу более удобной, то есть ее следовало разделить по меньшей мере на три четко обозначенные части. Для начала мы анализируем интервью с осужденными преступниками и стараемся объяснить на первый взгляд безмотивные преступления. Затем мы анализируем материалы дел тридцати шести серийных убийц, чтобы попробовать увязать информацию об их детстве, воспитании и личных особенностях с паттернами их преступного поведения. И наконец, мы создаем основу для построения психологического портрета преступника. Каждая из этих частей очевидным образом увязана с другими.

Пока же было непонятно, сколько времени потребуется Ресслеру и Дугласу, чтобы начать полностью доверять мне. Дело в том, что даже попросив меня помочь, в моем присутствии они тщательно подбирали слова в разговорах о жертвах и неохотно делились подробностями жестоких преступлений. Я не понимала, стараются ли они таким образом защитить меня или же защищают свои интересы.

Я решила придерживаться взятого курса и сосредоточилась на том, что могла контролировать. Поскольку интервью были главным инструментом сбора информации для этого исследования, имело смысл разработать методологию их проведения. Задача состояла в том, чтобы узнать о серийных убийцах как можно больше, сосредоточившись на трех главных моментах: почему эти люди убивали, что они думали о своих актах насилия и как эволюционировала их агрессивность. Для начала я разработала формуляр, состоявший из 488 пунктов для описания каждого преступника. Они касались всего: от анкетных данных до особенностей выбора жертв, мотивов и тактики нападений и множества других криминалистических подробностей. Этот инструмент был создан по аналогии с тем, который незадолго до этого выпустил мой коллега Ник Грот и который он использовал для исследования мотивов осужденных насильников из тюрьмы Сомерс в штате Коннектикут. Но главное отличие моего инструмента заключалось в том, что его должны были использовать не ученые, а агенты ФБР.

В результате этот шаблон для сбора информации получился обманчиво незатейливым. Он выглядел как вопросник и воспринимался как вопросник, но его реальной задачей было незаметно направлять беседу в том направлении, которое было необходимо сотруднику Бюро. Таким образом можно было получить нужную нам информацию, а не просто любую, которой решит поделиться преступник. Это был ключ к проникновению в сознание серийного убийцы с целью понять, как оно устроено и в чем состоят его отличия от сознания, например, простого воришки или законопослушного гражданина. Я постаралась выстроить вопросы так, чтобы поддерживать основной упор на рассказах обследуемого о своих преступлениях, истории его агрессивного поведения и воспоминаниях из детства о зарождении фантазий и мыслей о жестокости.

Параллельно мы изучали официальные рапорты о преступлениях, судебные фотографии, отчеты судмедэкспертов, результаты психологических освидетельствований и информацию о жертвах. На основании этих материалов можно было определить, насколько представления

преступника соответствуют фактуре дел, и предъявлять ему любые несоответствия и расхождения.

В итоге мы разработали научный подход к классификации качественной и количественной информации, которую впоследствии можно было использовать для изучения психической организации особо жестоких преступников. Иначе говоря, это был способ расшифровки личностей убийц. Способ использовать против них их собственный разум.

Новости о том, что в Отделе поведенческого анализа ведутся новаторские исследования криминального поведения, распространились по Куонтико со скоростью лесного пожара. Некоторые группы в ФБР презрительно отзывались о нашем исследовании как о забаве кабинетных детективов или в лучшем случае как о ненадежном методе, неспособном конкурировать с работой полевых агентов. Впрочем, другие признавали практическую применимость нашей аналитики и хотели увидеть результаты ее работы. Предоставив фактические примеры, наглядно свидетельствующие о ценности нашей работы, мы смогли бы склонить мнение Бюро в свою пользу. И здесь вступал в игру третий этап исследования криминальной личности – собственно психологическое портретирование, или профайлинг. Он устранил бы разрыв между наукой и реальной действительностью. Профайлинг позволит агентам раскрывать сложные дела быстрее, чем прежде.

Соответствующие данные уже были собраны в ходе нашего исследования, нужно было только переработать их таким образом, чтобы превратить наше понимание психологии преступника в детальный план определения мотиваций и отличительных особенностей серийного убийцы.

Мы понимали, что этот метод должен быть простым для понимания, но при этом высокоэффективным инструментом. Мы назвали его процессом формирования психологического портрета преступника и разбили на пять последовательных этапов:

Исходные данные профайлинга. На первом этапе главное внимание уделяется сбору информации. Она включает в себя анализ места преступления (вещественные доказательства, имеющиеся свидетельства, расположение тел, орудия преступления), экспертные данные (причина смерти, ранения, прижизненные и посмертные половые акты и ранения, патологоанатомическое заключение, результаты лабораторных исследований), предварительный полицейский рапорт (общая информация, время совершения преступления, кто заявил о преступлении, социально-экономическая обстановка в районе, уровень преступности) и фотографии (аэрофотосъемка, место преступления, жертва).

Моделирование процесса принятия решения. На втором этапе рассматриваются вид убийства и характерные особенности, основной умысел, риски жертвы, риски преступника, эскалация событий, длительность периода совершения преступления и факторы местности.

Аналитическая оценка преступления. На третьем этапе внимание направлено на реконструкцию данного преступления, классификацию преступления как организованного/дезорганизованного, смешанного, выбор жертвы, способы контроля над жертвой, последовательность событий, элементы инсценировки, мотивацию и динамику взаимодействия на месте преступления.

Психологический портрет преступника. На четвертом этапе создается обобщенный психологический портрет преступника. Определяются его физические особенности, привычки, пред- и постпреступное поведение. Следствию предоставляются рекомендации по сужению круга подозреваемых лиц.

Следственные действия и задержание. Здесь подразумевается совместная работа с местными правоохранительными органами по установлению личности преступника и его поимке.

Последний элемент пазла придумал Дуглас. Он решил, что лучшим способом продемонстрировать эффективность процесса профайлинга будет попросить местные правоохранительные органы прислать справки о их самых сложных нераскрытых делах об убийствах, с тем чтобы наша команда поработала над ними. Он особо подчеркнул, что ОПА должен быть в постоянной готовности прийти на помощь следственным органам на местах. «В этом и заключается весь смысл нашей работы, – сказал он. – Мы можем помочь акцентировать розыскные мероприятия на наиболее вероятных подозреваемых и предлагать проактивные методы выявления преступников».

Обилие ответов, посыпавшихся из полицейских участков в разных уголках страны, говорило само за себя. Только за первые два месяца ОПА получил несколько десятков дел. И поскольку это количество продолжало прибывать, нашей команде пришлось ввести правило, согласно которому местные правоохранительные органы обязаны расследовать дело самостоятельно на протяжении как минимум трех месяцев, прежде чем обратиться за помощью в ФБР. Тем не менее дел, присланных нам на рассмотрение, более чем хватало. Пора было приниматься за эту работу.

Над каждым делом тщательно работала команда из восьми человек с участием 3–6 сотрудников ОПА. Одновременно рассматривалось сразу несколько дел. Ситуация осложнялась тем, что профайлинг был всего лишь частью нашей исследовательской работы, которая, в свою очередь, составляла незначительную часть наших обязанностей. Исследования приходилось втискивать в перерывы между лекциями, выездными семинарами, участием в расследованиях и всем остальным, чем Бюро считало необходимым нас загрузить. Еще одной проблемой было введенное Дугласом и Ресслером жесткое правило: никто не имел права начинать профайлинг, не получив от местных следователей всю информацию, которой они располагали. С учетом неотложного характера дел о серийных убийствах и вероятности повторных нападений дожидаться ее поступления было трудно. Но это было правильно как методологически, так и с точки зрения соблюдения принципов нашей работы. Кстати, одного сурового взгляда Ресслера или Дугласа было более чем достаточно, чтобы человеку больше не пришлось в голову отклониться от установленного порядка действий.

Несмотря на все препятствия, работу в выходные, бессонные ночи, когда мы все же собирались для работы над психологическим портретом, работа спорилась. На каждое расследование назначался ведущий сотрудник, который заранее получал для ознакомления все необходимые материалы. В предельно сжатой форме он представлял дело остальным собравшимся.

После этого начинался собственно профайлинг. Команда перебирала все нити дела: улики, оставленные на месте преступления, характерные особенности жертвы и нюансы нападения. Таким образом, мы получали возможность увидеть этот случай глазами преступника и приступить к подробнейшему описанию этого человека. Мы могли сосредоточиться на уникальных особенностях его личности и поведения, чтобы представить себе неизвестного подозреваемого и его следующие шаги. Говоря простым языком, профайлинг был нашим способом мысленно проложить себе путь в сознание преступника.

Атмосфера этих совещаний была оживленной, описания яркими, а споры горячими. Они всегда заканчивались составлением подробного психологического портрета, который ведущий сотрудник мог отослать органу правопорядка, попросившему нашей помощи.

В числе самых первых дел было одно особенно чудовищное, которое поступило из Небраски. Оно привлекло внимание начальника ОПА Роджера Детью, который сразу же вызвал Ресслера и велел ему отправляться на место первым же авиарейсом. К этому моменту

от руки серийного убийцы погибли уже два ребенка. Никаких зацепок у местных следователей не было. Однако из присланных ими фото с мест преступлений и патологоанатомических заключений со всей очевидностью следовало одно: этот убийца становится все более жестоким и уверенным в своей безнаказанности. Если его не остановить, вскоре появится третья жертва, затем четвертая, а потом их будет становиться все больше и больше. Время шло. Нужно было ускоряться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.